

Александр Муленко

Вкус изабеллы

Кошерные часы

Он заходил навеселе и бойко рассказывал о своих неудачах, выпрашивая деньги, которые тут же пускал на ветер. Однажды я оплатил ему вытрезвитель.

— Ты понимаешь, — признался Юрка, — я «фараона» уронил.

Мы говорили о милиции враждебно.

— Как это было?

— Эти архангелы меня заковали и потянули по липкому снегу. Ноги мои не шли. Я поскользнулся... Тот самый, который меня держал, «мусорило» опрокинулся со мною. Уже потом, в каталажке, он мне упрямо всю ночь доказывал, будто я сопротивлялся. Эти самые «ментавры», Саня, их было двое, меня обобрали, а утром вдогонку выписали штраф. Позычь мне восемьдесят рублей.

Это были большие деньги. Я работал огнеупорщиком, а Юрка продавал сигареты в маленьком магазинчике. Он шельмовал, скрывая доходы, забывая про кассовый аппарат. Барыши мой приятель пропивал.

Я протянул сторублёвку.

Друган умчался и вернулся с бутылкой водки. В вытрезвителе он, конечно, не объявился.

— А как же невыплаченный штраф? — рассердился я.

— Штрафы, Саня, необходимо платить, — согласился Юрка. — Но ты же мне товарищ? Дай ещё одну сторублёвку. Я завтра верну.

— Не дам. Мы сегодня отправимся в твой любимый «трезвяк» и попробуем рассчитаться.

Была суббота.

Увидев незнакомого человека, дежурные растерялись. Они решили, что ограбленный ими Юрка привёл с собою юриста. Я потребовал квитанцию об уплате штрафа.

— Вот этого я уронил, — гордо прошептал мне мой товарищ, сверля глазами громилу в милицейском мундире.

Тот уткнулся в бумаги, застеклённые на столе, но огрызнулся:

— Я за такие деньги, которые ты нам этой ночью предоставил, готов падать весь день без парашюта.

Я — не юрист, я — простой работяга. Я не прижучил этого «солдафона».

С Юркой мы вместе росли и враждовали с другими дворами. После окончания учёбы в школе мой одноклассник подался в мореходку, однако на флоте долго не задержался и однажды, вернувшись из кругосветки, стал великим комсоргом. Кто его подтолкнул на эту должность, я не пытал. Я верил в его заслуги. Но вот наступили продажные времена, и комсомол себя исчерпал. Мой приятель оказался в Москве. Однажды мне показали его визитку. В столице Юрка трудился столоначальником.

— Живут же на белом свете! — вздохнула Марина.

Мы вспоминали общих знакомых, обсуждали их жизненные потуги, успехи. Уже прошли финансовые реформы, деноминация рубля, но зарплаты задерживали по году.

— Это ж мой лучший друг, — признался я Марине.

В душе затаилась надежда, что когда-нибудь Юрка вернётся из Москвы и вспомнит обо мне. «Саня, — он скажет, — ты устал, я тебе помогу. Ты никогда не будешь больше огнеупорщиком, ты тоже станешь столоначальником, как и я. Будешь ездить на шахматные турниры, куда захочешь — в любое время года».

И Юрка вернулся.

Я уже покинул металлургию. Ишачил на «северах». Платили мне неплохо. Пытаюсь найти дорогу в богатое рабство Тюмени, многие неудачники просили мою подсказку. В Сибири предоставляли временное жильё и талоны на обеды.

— Я хочу поехать с тобой вместе, — признался Юрка при встрече.

— А я почему-то думал, что ты предложишь мне податься в Москву. Ты же успешный человек?

Уже потом я узнал от его матушки, что мой приятель сошёлся с женщиной и переехал к ней из Москвы в Саров. В тот самый закрытый город, где находится ядерный центр России. В какой-то момент семейной жизни Юрка ударился в беспроходное пьянство и потерял документы. Жена ли его, сожительница, я уже не узнаю, эта женщина прогнала друга. Покрытый чёрными язвами да коростой, облучённый человечек умирал около пропускного пункта в атомную зону, в старом пустующем вагончике, с надеждой, что подружка его простит, излечит и заберёт обратно в тепло, к себе, к совместной жизни. Но этого не случилось. Похолодало, пришла зима. Караульные солдаты

помогали бездомному соседу бороться за жизнь, кормили, приносили ему медикаменты, вызвали мамку из Новотроицка. Старушка тут же приехала к сыну и увезла его к себе домой — полуживого, ослабшего. В тепле её ребёнок очухался и окреп. Теперь вот искал работу.

— Саня, я буду горбатить так же, как и ты, я тебя не подведу.

Начальник подрядной организации не был сварливым человеком, но, принимая Юрку в свою шарашку, сердито заметил:

— Ты, Сашка, уже второго такого специалиста ко мне приводишь. Будешь работать сам — и за него, и за себя.

— Я, Анатолий Геннадьевич, и за тебя горбачу. Такая моя ишачья доля.

— Ты — неисправимый марксист, — съязвил начальник.

Около года мы с Юркой выживали на «северах» — грязные, измотанные работой.

Когда наши гастарбайтерские поездки закончились, я купил себе квартиру и воротился в металлургию.

— Хочешь пойти со мною вместе? Я помогу тебе оформить четвёртый разряд огнеупорщика.

— Нет, — отмахнулся Юрка.

— Ты разве боишься высоты?

Моя очередная работа была связана с ремонтом промышленных дымовых труб.

— Нужно ежедневно рано утром вставать и постоянно трудиться.

— Ты же ни разу не прогулял, не проспал, не заболел, работая в моей бездомной бригаде на нефтехиме! Или мы тебя хоть раз обманули?

— Ты, Саня, меня ни разу не обманул. Моя мамка мне постоянно говорила и говорит: «Ты слушайся Сашу, не подведи его, не пей много водки».

Ох уж эти мамы! Моя мне тоже говорила о том, что новый директор нашего комбината Сергей Филиппов — мой ровесник, что он трудолюбив, успешен и спасает от кризиса всю Россию. Так писали газеты.

Свою мамку Юрка уважал и боялся огорчить. Когда она находилась где-то рядом, товарищ меня одёргивал, предугадывая всякую нецензурность: «Потише, Саня, потише. Не матюгайся». Без мамки, на воле, он не был таким щепетильным и выражался, не церемонясь, как и я.

В Тюмени я видел непыщего Юрку. Но на родине он сорвался и в запойные дни шатался в поиске ночлега, не желая идти домой. Сверх меры поддатый горемыка, заикаясь, успокаивал свою маманю по телефону: «Мамочка, ты не волнуйся. Я буду у Саши». Она ему отвечала: «Хорошо», — и следом просила меня не обижать её сына. Я становился гарантом их временного покоя.

Своё ничтожество я не осознал. Спустился на время с дымовых труб, обул вибраны, оделся

в пуховики и отправился в горы как восходитель, чтобы на собственной шкуре испытать непомерные тяготы, воспетые в стихах. И преуспел. Мой первый наставник меня заметил. Он предложил совершить совместные восхождения в Доломи-тах.

— Через год я пойду на «шестёрку», но будет время и с тобою позаниматься.

Я испугался дороговизны этого путешествия, однако инструктор меня обнадёжил:

— Это недорого.

— И сколько?

— Триста долларов.

— Такого не может быть.

Этот человек — известный учёный и спортсмен. Он повторил:

— Триста долларов, Саша, и паспорт. Ты отдаёшь его мне для оформления визы и медицинской страховки.

— Это правда?

— Не сомневайся. Мы заключили с гидами из Европы взаимный договор о том, что они принимают нас в своих альпийских лагерях, а мы принимаем их в Крыму и на Кавказе. В нашем клубе есть микроавтобус. Деньги понадобятся лишь для покупки в Европе их бензина и продуктов. Такие таможенные законы.

Через пару дней я получил зачётную книжку спортсмена в квартире этого великого мастера. Он предложил мне покушать вместе с ним.

— Борщ и арбуз, Александр, другого нет.

Я постеснялся и жалею об этом.

— Моё предложение поехать со мною вместе в Доломиты остаётся в силе!

С его стороны это было большое доверие. Я вернулся домой и спустя полгода накопил тысячу долларов.

Но поездка в Альпы не состоялась. Паспорт я так и не оформил и вместо Италии отправился в горы Алтая на русские рубли. Валютная записка осталась до лучших времён.

Юрка устроился к Серову на базу вторсырья и очищал от жира шкуры убитых домашних животных. Как экспедитор, он за ними и с ними мотался на хозяйской машине по деревням. Серов ему немного платил и, главное, разрешал ночевать на проходной в коморке, где оформляли документы залётные скотобои.

Однажды Юрка представил нового босса.

— Ты же знаешь, это — Серов.

Они пришли ко мне домой. Я тут же насто-рожился:

— А как же, в детстве мы жили в одном дворе и читали одни и те же книги.

— Ещё играли в шахматы и ходили в походы, — добавил Серов.

Я догадался, что мои товарищи появились не для того, чтобы про это вспоминать.

— Мне нужно тысячу долларов,— выдавил Юрка.— Саня, я знаю, что ты мне ни копейки не дашь, но Серов, наш общий приятель,— это, как и ты, непьющий человек, и к тому же он — бандит. Честное слово бандита в России прочнее стали. Серов напишет тебе расписку и будет моим гарантом.

— Не называй меня бандитом,— откликнулся Серов, но подтвердил: — Я верну эти деньги, Саня.

На них Юрке купили подержанную «шоху». Её подшаманили, запаяли, покрасили, оформили технические бумажки, и мой приятель «занялся мясом». Он закупал его у сельчан, привозил на рынок и сбывал продавцам. Теперь уже Юрке хватало денег не только на водку. Для фарта он приобрёл себе дорогие часы, принарядился и вне работы повсюду появлялся в пиджаке, словно барин. Случалось, он тараторил мне про опасности в своей новой шофёрской жизни.

— Повсюду обледеневшая дорога, Саша. Пуржит. Прицеп юлит, словно хвост у барса. Его заносит то вправо, то влево. В прицепе — мясо. Того и гляди, окажешься в кювете в разбитой машине или хуже того...

Он замолчал.

— И что же хуже того на этом свете?

— Ну, предположим, из ночи навстречу неожиданно выскочит автобус или фура какого-нибудь богатого барыги, перевозящего грузы. Бац-бац друг в друга, и тогда мне с ними вовеки не расчитаться.

Когда его лыко уже почти не вязало, Юрка ругал ненасытные государственные конторы:

— Этому двести, этому триста, этому полухатку. За каждую справочку на лапу подай или угости: мента ли, санитара ли, директора рынка. Кому-то из них необходимо побольше денюжка, а кому-то чуть-чуть поменьше. Не ошибиться б. Это, Саня, издержки моей рискованной работы...

Через год я напомнил ему о долге.

— Вы деньги-то мне вернёте?

Как обычно Юрка, будучи пьяным, явился ко мне заночевать, спасая мамку от лишних переживаний.

— Серов мне на это вчера ответил: «Зачем ему деньги?»

— Его расписка ещё цела.

— Я ему про это тоже объяснил.

— А он?

— «А что мне его расписка? — спросил у меня Серов и предложил: — Давай его, Юра, кинем. В суды он не пойдёт, ума у него не хватит». Продажны наши суды, ленивы без подогрева.

— А если пойду?

— Тогда на этот случай... Саня, дай подушку.

Он достал из кармана брюк пистолет системы Макарова, бросил его мне под ноги на ковёр, разделся и, засыпая на диване, досказал:

— Если нет человека на этом свете, Саня, то ему никто ничего не должен. Серов мне приказал тебя убить.

Без лишних переживаний Юрка мгновенно уснул, а я беспокоюсь ворочался в соседней комнате с боку на бок на поломанной койке, под которую вместо ножки была подложена стопка книжек, и переживал, прислушиваясь к каждому вздоху друга.

Утром в прихожей зазвонил телефон. Полусонный, я босиком помчался к трубке и едва не наступил на пистолет. Кошерные Юркины часы валялись рядом с ним. Их хозяин ещё не очухался. В комнате пахло его немытым телом. Чтобы спротонок случайно не повредить чужие часы ногами, я их поднял и убрал в ящик тумбочки, на которой трезвонил телефонный аппарат.

— Алло! Это кто?

— Это Колька.

Мне честь не велика. Я без отдачи не нужен. Значит, что-то случилось.

Николай — человек из мира шахмат. Будучи пацанами, мы познакомились в Доме пионеров. Шёл шахматный турнир. Николаю очень хотелось сыграть в нём, но команду его школа не выставила, и злётного мальчишку окружили местные шишкарки. Я заступился за Кольку. Впоследствии он никогда меня не предавал, но, попадая в конфликтные ситуации, просил мою помощь. Даже получая по мордам, мы оставались надёжной силой, способной к сопротивлению любому двору. Когда я отправился на воинскую службу в голодный ракетный край, Колька присылал мне посылки с гостинцами. Потом его уекли в сумасшедший дом в Круторожино, и вернулся он оттуда инвалидом и шизофреником. С большим человеком тут же перестали общаться все его вчерашние друзья и подружки. Только я оставался его защитником, готовым в любую минуту прийти на помощь и отдать свою жизнь за товарища или отнять её у врага — без страха перед законом, без всякой клятвы. Кто был из нас служебной собакой, а кто её хозяином, я не гадаю.

Бухали...

Колька женился. Полуслепая супруга пилила его за пьянство. В такие дни, как и Юрка, он уходил из дома ко мне, откуда опять же по телефону для форса отчитывал подругу:

— Да, я написал. Ирина, я напьюсь ещё много раз. Да-а, я ушёл из дома. Я так хочу. Я сегодня буду у Сани. А ты не огрызайся в телефонную трубку. Я ж твой муж. Я могу вернуться обратно домой и тебя избить... Ты позвонишь моему отцу?

В преддверии женитьбы последнего сына его родители поменяли трёхкомнатную квартиру на две полуторки и доживали в одной из них один на один. Нелюбовь, питавшая брак у стариков, обострилась. Мамка у Кольки умерла. Папашка

остался один. Свою невестку он не любил, но боялся за сына и почитал своим долгом общаться с его женой. Старик доживал в той же самой хрущёвке, где находилась моя квартира. Я на первом этаже, он на четвёртом.

— Сейчас мой папаша зайвится сюда, но ты его к себе не впускай, — приказывал Колька.

— В мою-то квартиру? Он — ветеран войны. Как я ему могу отказать?

— Вот так и откажи. Гони его погромче и матом. Этот человек изводил мою мать за то, что я — психический урод.

Когда озабоченный Колькин родитель спускался и робко стучался, я под шипение друга всё-таки отправлялся в прихожую и с другой стороны двери прислушивался к тому, что творится на лестничной площадке. С собою наедине или с кем-то из прохожих старикан разговаривал обо мне.

— Это — тот самый Саня. Он лучший шахматный игрок во всей округе. Он пишет ядовитые рассказы, которые печатают в толстых литературных журналах. Саня ходит с друзьями в горы по выходным. В прихожей у него висит ледоруб. Я боюсь этого человека. Что я ему скажу, когда откроет? Он же меня пошлёт...

Другая слава у меня тоже была дурная. Через какое-то время, не дождавшись гостеприимства, Колькин папашка уходил к себе домой. Он поднимался по лестничной клетке, шлёпая тапочками, вздыхая о пропащем сыне, — ветеран Сталинградской битвы.

Утренний Колькин звонок меня напугал. Мой друг задыхался.

— Алло...

— Что-то произошло? Опять? А-а? Колька, ты почему молчишь?

— Немедленно приезжай, — выдал мой товарищ. — Это не телефонный разговор.

Его голос звучал как в те далёкие детские годы, когда мы дружно ломали границы враждующих дворов. В нём была тревога.

— Куда приехать?

— На Западный. В Дом культуры.

Старинный совковый храм отдали в аренду торгашам, и управляли им рэкетеры, поделившие город. Злачное стало место. Там набивали «стрелки» непокорным предпринимателям. Только и было слышно повсюду, что в этом бывшем Доме культуры кого-то унизили или обложили долгами, угрожали физической расправой, после чего многие молодчики пропадали бесследно, другие бегом распродавали имущество и несолоно хлебавши уезжали в чужие края. Кто-то сопротивлялся. Однажды в этом Доме культуры взорвали передний вход и побили фасадные витражи. Поставить новое остекление оказалось не по карману ни арендаторам, ни управе. Но всё-таки кто-то подсуетился, и стенные пробоины заложили кирпичами.

С тех пор архитектурный ансамбль стал похожим на закрытый со всех сторон средневековый несказочный замок, ожидавший новой атаки дикарей. Мне предстояло в него явиться на помощь другу.

Я накинул пуховик, поднял чужой пистолет и, проверив наличие в нём патронов, отправился в логово новых русских агрессоров. Колька поджидал меня около входа, растрёпанный, жалкий, как и все душевнобольные, глядя широко открытыми безумными глазами, хрипя:

— Скорее, Саня.

Чтобы не сплеховать в лихую минуту, я нащупал в кармане предохранитель. Николай потянул меня за рукав, и мы полетели по коридорам. В растворе полуоткрытых встречных дверей мелькали стеллажи, на них лежали коробки с товарами, в просветах было видно, как витала в комнатах пыль. Местами немзыкально басили уверенные барские голоса, доходившие до крика, возвышающие начальство.

В просторном классе, куда мы примчались, за учебными столами сидели важные особы. Перед ними лежали раскрытые тетрадки. Одного человека я узнал. Он работал в поликлинике и не был бандитом. Я успокоился, разделся. Свою верхнюю одежду положил на подоконник и забыл про пистолет.

Вошла румяная дама. Колька представил меня как нового члена учебного процесса.

— Я уже второго друга привёл, Наталья Семёновна. Вы его зафиксируйте в моё коммерческое дело.

— Хорошо, — ответила дама, и представление состоялось.

Под её диктовку ученики строчили материал. На перемене я узнал, что многие из них имели высшее образование, но в поиске лёгкого богатства подались в сетевой маркетинг. Их не смущало то, что порою их училка не к месту употребляла обороты речи, часто грешила тавтологией. Набор высокопарных слов у неё чередовался с уличным сленгом. Междометия, их тоже было немало, не украшали процесс этой говорильни. К концу второго урока я окончательно убедился в том, что эта дама — не гуманитарий.

— Я — золотая, — повторяла она безумно. — Я стану бриллиантовой. Я вас научу, как можно быстро разбогатеть.

Были озвучены адреса генеральных фирм, поставивших продукцию из Европы, оглашена система ценообразования, обещаны бонусы за вовлечение в торговые сети новых коммерсантов, раскрыты удивительные секреты общения с покупателями. На третьем уроке последовало предложение продолжить учёбу на платном мероприятии. Я не выдержал.

— Вы кто по профессии?

— Я — маркетолог.

— А раньше кем вы были?

— К чему такие вопросы?

— Я плохо воспитан.

— Отвечу... Я и раньше торговала. Но у прилавка. Сегодня это делают мои продавцы, а я вовлекаю в бизнес всё новых и новых членов.

— У вас большое образование?

После этой бестактности на меня зацыкали соседи. Почуввав мою агрессию, ведущая рассердилась. — Я не имею российского образования, я имею международный диплом от компании МЛМ. Работа в ней — это самый верный и быстрый способ разбогатеть.

— Но если все люди займутся маркетингом, то кто же будет производить товары и, скажем, лечить людей?

Желая поддержки, я поглядел на врача, на Кольку. Они безучастно глядели мимо меня, не выпуская авторучек.

— Разве плохо лечить людей?

В этот момент я спекулировал словесами не хуже депутата Государственной думы, и люди, присутствующие в классе, ополчились против меня. — Ну и что из того, что у неё нет верхнего образования? Зато она богата, — заголосила какая-то солидная женщина. — У меня за спиной — аспирантура и диссертация, а я, как простая училка, не знаю, на что живу.

Её поддержала подруга, с виду попроще:

— Ты, наверное, самый умный? Я всю свою жизнь отработала медицинской сестрой. Объясни, на что мне такая работа? Этому клизму поставь, тому катетер, третий от боли орёт. Он без меня не может перевернуться на кровати. А в конечном итоге — пустой кошелек. Мне внукам не на что конфеты купить.

Мужчины тоже ругали меня не меньше женщин, с трудом подбирая цензурные словеса.

— Где твоя родина, лепило?

— Ты кто такой?

— Откуда взялся?

— Скажите, кто его привёл? — угрожающе слышалось отовсюду.

— Вон отсюда! — приказала ведущая.

Только на улице я обнаружил, что моя верхняя одежда осталась в учебном классе, и вернулся, чтобы её забрать. Мужчина, который обозвал меня лепилой, взял с подоконника мой незавидный пуховик и швырнул его ко мне. Куртка упала на пол. Из кармана вылетел пистолет. Злорадство, до этого стоявшее в помещении, сменилось молчанием. Я слышал, как бьётся моё тяжёлое сердце, Колькины хрипы из дальнем угла и стук проезжающего на улице трамвая.

— Порешил бы я вас, да мараться неохота.

Это было последнее и чужое, что я сказал на этой встрече.

Когда я вернулся домой, Юрка уже проснулся и передвигался по залу на четвереньках, заглядывая под мебель.

— Ты что-то ищешь?

— Саня... Ты не видал мой пистолет?

— Тот самый, из которого ты вчера хотел меня пристрелить?

— Откуда ты про это знаешь?

— А ты уже про это не помнишь?

— Наверно, я очень много выпил.

— Когда мы выживали с тобой в Тобольске, однажды ты во время массовой драки спрятал в кладовку все ложки, вилки и ножики.

— Чтобы не было лишней крови.

— Вчера я сделал то же самое и припрятал твой пистолет, чтобы не было лишнего огня.

— Это не мой пистолет. Это пушка Серова. Я должен её отдать.

— Я очень этому рад. Когда вы вернёте мне мои деньги, я верну вам вашу пушку, а пока что мне ведь, Юра, тоже хочется кого-нибудь убить.

— Саня, ты пойми. Я охранник. Серов меня уволит, не рассчитавши. Отдай мне его вольну.

— А ты меня возьмёшь и убьёшь? Или ты вчера про это нечаянно пошутил?

— Нет, Саня, это была не шутка. Твою судьбу решили во время пьянки.

— За тысячу долларов?

— Саня, мне негде жить, верни мне оружие. Я сегодня дежурю на проходной. Если Серов меня прогонит с работы, то я поселюсь в твоей квартире.

— Я тебя к себе не впущу, я буду отстреливаться.

— Я тебя умоляю. Саня...

— Ты, Юрка, хотел меня убить. Это после нашей совместной тобольской нищеты, моего молока и коврижек?

По выходным я играл на деньги в шахматном клубе. Турниры проходили организованно, и у меня появились «живые копейки» на молоко и печенюшки. Вместе с Юркой мы поедали всё это на пустующей детской площадке — пройдохи и бродяги. Как ещё назвать?

Я отдал ему вольну.

Спустя неделю Юра вернул тысячу долларов. Он заявился в парадном костюме, помолодевший.

— Вот твои деньги, Саня, и проценты с их оборота. Как обещал.

— В чулке, поди, пролежали всё время и не помялись?

— Я честно признался Серову, как ты меня обезоружил и отправился с его вольной наперевес на разборки в коммерческую помойку на Западном. Серов очень долго смеялся. Он рассказал про это своим друзьям, хозяевам замка. Бандиты решили тебя не убивать и за полдня собрали тысячу долларов в знак особого почёта к твоей особе.

Мой товарищ не сразу сообщил, что сам он продал заезженную «шоху» и гараж. Его бизнес закончился навсегда.

— Сегодня я, Саня, надел новый костюм и начинаю новую жизнь.

— В новом костюме?

Я не ехидничал, я облегчённо его спросил:

— Ты умеешь завязывать галстуки? А я вот так и не научился и поэтому не женился.

— Умею,— ответил друг.

— Куда ты подашься?

Отвечая, товарищ достал казённое письмо.

— К вам и подамся... Меня пригласили для важного разговора на комбинат. Ты видишь, подписано: «Гусев, начальник отдела кадров».

С беспородными работягами этот Гусев никогда не общался. С нами яшались его девицы, далёкие от служебного роста.

— Чего же он хочет?

— Товарищ Гусев приглашает меня на службу.

— В какой отдел?

— В газетах искали человека на социалку, об этом читала мама. Я же— бывший комсомольский работник. Зарплата невелика, но полный пакет социальных льгот и карьера начальника.

— Тогда удачи, руководи, возвышайся над нами...

Он вернулся бухой и хмурый, и я не удержался от яда:

— Каким же примером ты станешь для молодёжи?

А было ль ему куда идти, чтобы поплакаться?

— Мне предложили катер.

Более года эту посудину творили в цехе сборки металлоконструкций. Все проходившие мимо ротозеи гадали: «Кому она? На что?» Когда судёнышко исчезло, о нём забыли. И вот оно объявилось на Ирикле— в искусственном море.

— Это плавучая база для отдыха вашего директората,— промолвил Юрка.— Там нужен капитан.

— Ну вот и слава Богу, что он там сегодня нужен. Тебе оказали большую честь.

— Изучая кадровые архивы, у Гусева узнали, что в нашем городе только два человека окончили мореходку. Один из них сегодня профессиональный политикан у Жириновского.

— А вторым оказался ты?

— Дело в том, что на этом катере уже был один капитан— неважный, из местных, из ириклинских, но он в чём-то накосорезил, и случилась проверка кадровых документов. Инспектор обнаружил его несоответствие занимаемой должности. Этот катер, Саня, имеет большое водоизмещение, и управлять им должен настоящий судоводитель. Я обладаю таким дипломом.

— Ты согласился на капитана?

— Я отказался.

После продолжительной паузы он объяснил мне причину.

— Катер необходимо два раза в год ремонтировать, удаляя ржавчину и старую покраску, перекрашивать, следить за его моторной частью. Я это не

потяну. И хуже того, нужно постоянно мотаться по магазинам— простую водку дирекция вашего комбината не пьёт. Во время их оргий я должен находиться на месте и угождать пассажирам и особенно пассажиркам, выполнять их всяческие приказы и прихоти. После этих великих пьянок я, Саня, не хочу убирать за ними пустые бутылки, затычки да рваные трусы, ведь этот катер увеселительный, он для блуда.

Спустя какое-то время в том же отделе кадров его начальник Александр Сергеевич Гусев предложил Юрке продать документы на право вождения кораблей.

— Вашу фамилию мы аккуратно удалим и впишем другую— серьёзного человека, катер уже необходим для отдыха нашим людям.

— Неймётся вам от скуки,— ответил Юрка в отделе кадров.— Я в учебке палубы драил, я три раза ходил в кругосветки, я соль глотал по всем океанам и морям— и не продал диплом морехода.

— Это единственный документ, заслуженный мною в жизни. Все остальные бумажки я потерял,— признался он мне после этих встреч.— Ты же знаешь об этом, Саня...

Он умер через год. Пуржило, была зима, стояла тёмная ночь. В холодное время на улицах пусто. Утром его тело обнаружили около хрущёвки, в которой он проживал вместе с мамой.

После осмотра медики написали, что причина смерти— сердечная недостаточность. С детства у Юры был какой-то порок, и, чтобы не искать криминал, милиция тоже согласилась с таким исходом.

Когда усопшего отпевали в кладбищенской часовенке, я наблюдал, как плакали все его близкие люди и друзья: старая матушка, дочка, бывшая первая Юркина жена, с которой он был в разводе много лет, Серов... Он тоже плакал, размазывая слёзы. Но я был сух. Крадучись дошёл до гроба, заглянул в безнадёжно мраморное лицо товарища да потом, уже во время погребения, бросил в могилу три горсти рассыпчатой глины, чтобы пухом была земля.

Прошло десять лет...

Мне уже шестьдесят. Я многое перенёс за эти годы, многим переболел, покалеchen, был даже в коме. Однажды в больничке я случайно встретил Серова. Он тоже не молод и не бессмертен.

— Ты знаешь, Саша, а ведь Юру тогда убили и ограбили.

— Не может быть.

— У него на шее был серебряный крест, и, кроме него, пропали часы. Он ими очень гордился.

Я промолчал. За десять с лишним лет я ни разу не заглядывал в тумбочку, на которой гремел телефонный аппарат в тот самый день, когда я обезоружил пьяного друга...

Вкус изабеллы

... любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Из Нагорной проповеди Иисуса Христа

1. Если бы не Предтеча

Не имея отличий и наград, я носил на рубашке чужеземный значок величиною с копейку. На нём была изображена косматая голова, похожая на солнце. «Наверное, Бетховен»,— впервые подумал я, покупая это художество в туристическом павильоне. В Теплицах почитают немецкого музыканта. Его именем названы парк и Дом культуры, в котором проводился шахматный фестиваль. Уже потом, воротившись из Европы, я отыскал материалы о том, что покровителем города, где мы соревновались, является другой человек. Самый, пожалуй, старший в мире христианин— Иоанн Креститель. Слово икона или крестик, значок меня повсюду оберегал и спас однажды от смерти.

Впрочем, выручали гуртом, а не крестом. Но как объяснить счастливое стечение обстоятельств в деле, где каждый участник оказался на месте в нужное время? Во время шахматной игры со мною случился сердечный приступ. У соперника был небольшой материальный перевес. Я надеялся на атаку белого короля. Расставил свои фигуры по центру. За пешку пожертвовал качество и прицелился к неприятельской рокировке. В турнирном зале было не продохнуть. Чтобы отдышаться, я поднялся из-за доски и отправился на свежий воздух, да не дошёл. У выхода на лестничную площадку моё ослабшее тело качнуло в сторону занавески. Из последних сил я метнулся к двери и упал, хватаясь за воздух.

В прибывшей машине скорой помощи находились две пожилые врачихи. Они измерили кровяное давление, что-то вкололи в живот, да не сумели меня поднять и оставили лежачим. Примчалась другая неотложка. Дюжие санитары положили моё «ватное» тело на служебное одеяло и перенесли в медицинский автомобиль. В больничке дежурил опытный кардиолог. Врач произнёс:

— Обширный инфаркт. Найдите его родных.

В моём кармане обнаружили кнопочный телефон и позвонили сестрице. Она доньше работает учительницей в школе. Ей тоже немало лет.

— Только десять процентов на девяносто, что ваш брат сегодня останется жить,—промолвил врач.— В моей медицинской практике это второй такой пациент. Первый не оклемался.

Он напугал мою сестру.

«Неправда,— подумал я в ту минуту.— Я— упрямый, я буду жить много лет: ведь я ещё не огранил

свои шахматные задачи, не дописал свои правдивые рассказы, не досудился до справедливости, и самое страшное— я не был счастлив». Такие слова вертели в голове. Язык обмяк совместно с телом. Попытка разговариваться не получалась.

— Молчите,— цыкали медсёстры, едва я что-то бурчал.

Разве не чудо, что в забытом провинциальном городке, где ямы на асфальте уже никогда не зарастут и дороги повсюду в шрамах, появилось новое оборудование для стентирования коронарных сосудов? Уже нашёлся хирург, умеющий это делать. Он покинул столицу и перебрался в наш полуразрушенный мир для подвигов в медицине. Только лицензию на проведение операций больничка ещё не получила.

— Что будем делать?— спросил главный врач.— Отправим сердечника в областную клинику?

— По нашим дорогам его не доvezут,— ответил кардиолог.

Когда я учился на спасателя, наш инструктор, проводивший занятия в горах, однажды поведал о том, как можно оперативно совершить вентилицию лёгких иглою от шприца.

— Но, не имея лицензии, этого делать нельзя. Вас посадят на десять лет. На глазах задыхается человек, и жить этому человеку от силы осталась одна минута. Если вы неплохо знаете, как ему помочь, то делайте это незамедлительно, не бойтесь неволи. Чтобы всю оставшуюся жизнь потом не мучиться вопросом, что своевременно могли выручить друга и не решились. Вертолёт с медициной, возможно, прилетит через несколько часов, а то и вовсе не прилетит— не будет топлива в баке или другие причины.

Врачи решили меня спасти, не дожидаясь лицензии из Москвы.

Несколько лет назад зимою в эту больничку попал мой отец. Как ныне меня, на каталке его бегло повезли в сторону лифта. Папка дрожал, укрытый шубами. Двусторонняя пневмония— нелёгкое испытание для старика, которому исполнилось восемьдесят лет. Лифт тогда спустился нескоро. Я это вспомнил и приказал себе держаться. Уже потом, поднимаясь, окунул в тьму и очнулся в палате реанимации. Под носом посвистывала трубка, откуда сочился кислород. На пальце висела прищепка. Через неё на мониторе отражалась работа сердца. Наблюдательный пункт находился в центре палаты. Над столом висело изображение Иисуса Христа. Где-то за окошком, на воле, звенели колокола, угадывалась осень. Мне улыбнулась санитарка, убиравшая помещение.

— Кто это намалёван?

— Разве не видно?— удивилась она.— Иисус Христос.

— А почему не доктор Пирогов или доктор Павлов?

— Хороший вопрос, — рассмеялась уборщица. — Так решил доктор Жмудь.

Спустя минуту, протирая повторно полы в проходе, она поглядела на изображение Божьего Сына и незамысловато добавила:

— Вы же живы, а Пирогов уже умер, но вечен Бог. На всё Его воля. Этот лик помогает больным подняться на ноги и окрепнуть.

— Я слышу благовест за окошком. Какой сегодня праздник?

— День продолжения вашей жизни.

— Кто я такой, чтобы по мне звонили в колокола?

— Сегодня день Усекновения головы Иоанна Предтечи и строгий пост. Но вы не бойтесь, вам можно кушать всё.

— Тут каждый день — строгий пост, — сострили рядом.

Я лежал под одеялом, раздетый догола.

— Сестрица, где моя одежда?

— Ваша одежда в раздевалке. Она не пропадёт.

— Там на рубашке прицеплен один значок. На нём изображён Иоанн Предтеча. Тот человек, по которому сегодня звонят в колокола.

— Вы не волнуйтесь.

— Я хочу показать этот значок всей палате и похвастаться.

— Мы верим, что Иоанн Предтеча — ваш опекун.

Чуть позже я узнал, что врачи провозились со мною шесть часов. Об этом рассказала моя родная сестра. За четверть дня она успела найти и привезти в больничку все мои страховки и паспорт.

Семь дней я провалялся в реанимации. Пил слабительные таблетки. Лежа мочился и испражнялся. Мне было неудобно просить о помощи санитарку, да приходилось.

Каждую ночь в палату привозили пьяниц. Они сопротивлялись, ругались, порою нецензурно. Под эту безбожную матерщину дежурные с ними боролись, привязывая смирительными ремнями до коек, чтобы спокойно сделать какой-нибудь укол, ввести в тело катетер или совершить иную болезненную процедуру. Утром такие люди уходили. Домой ли, в другую палату — я не гадал.

На особом внимании у врачей находился с виду немолодой бессознательный человек. Его диагноз я не знаю, думаю, что рак. Он бредил и часто повторял имена Серёги и Ольги. Должно быть, Серёга был его сыном, а Ольга могла быть женой. С нею он разговаривал строго:

— Ольга. Немедленно подойди ко мне. Где Серёжка?

В такие минуты из дежурного персонала кто-нибудь оставлял дела и направлялся к пациенту, трогал его за руку или подтягивал на нём простыню, чтобы тот успокоился, замолчал и подумал, будто Серёжа или Ольга пришли к нему на помощь.

Как-то в палате не оказалось ни одной медсестры. Беспокойный больной заволновался:

— Серёжка! Где твоя мамка? Я кому говорю?

— Печалится, — сердечно сказала моя соседка.

И мужчины, и женщины выживали в одном помещении, не стесняясь друг друга. Были, конечно, ширмы, но для блезира.

— Никто не знает этого человека. Уже звонили в полицию, — шепнула больная.

— И что же?

— Оттуда ответили, что в розыск никто ни на кого не подавал.

Врачи спасали больного, не имея его страховок, без всякой оплаты, на совесть, не зная фамилии пациента. С годами меняется внешность. Но прежней остаётся манера разговаривать и ругаться.

— Кажется, что я где-то слышал голос этого человека, — вмешался я.

— Вы попробуйте это вспомнить.

— Уже пытаюсь, да не могу.

— Покушайте виноград.

Между мной и собеседницей находилась тумбочка, на которой лежали ягоды. Я отказался:

— Не хочу.

После этих слов неопознанный больной повернулся в мою сторону и настороженно стал прислушиваться к нашей болтовне. Когда умирал мой отец, исколотый морфином, я заметил, что многое, происходящее в мире, он всё-таки понимал, не открывая глаз, по звукам от телевизора или от нас — его детей. И реагировал на это движением или стоном.

— Ольга, Серёжа, Саня...

Я вздрогнул и вспомнил этого человека. Однажды я пытался его убить. Уже потом, через несколько лет, в отместку он ударил меня ножом. — Это Шуба из девятого дома по улице Мира. Звать его Генкой.

— Может быть, это — Шубин? — осторожно переспросила подошедшая медсестра.

— Может быть, и Шубин. Прошло полвека. Нам за шестьдесят.

2. Изабелла

Выращивать виноград — это подвиг. Богатые на сахар сорта боятся морозов. Только изабелла плодоносила из года в год. Её чёрные ягодки были кислыми и мелкими. Папка кропотливо работал на огороде. Нянчился с каждым стебельком. К зиме, как ребёнок, укладывал и накрывал изабеллушку от холода ватными одеялами. Во время весеннего паводка грядки топило водой. Надев болотные сапоги, отец приходил на приусадебный участок. Из-за забора подолгу смотрел, переживая, на виноград: не вымокнет ли он, не погибнет ли в эти минуты от избыточной влаги? Яблочные деревья, крыжовник, смородина — более устойчивые к стихиям, но и для них наводнение бывает смертельным. Когда, наконец, разнужданная река убиралась восвояси, подсыхала земля, в первую

очередь папка стеклил виноградные грядки — солнце было ещё не в силе. Далее, летом, он снимал это остекление и направлял по верёвочкам к небу вьющиеся стебельки. До осени с любовью поливал голодные виноградные листочки, спасая своё капризное детище от жары.

Каждая ягода выращивалась для меня. Но кисловатая изабелла мне не нравилась, и мамка покупала другие сорта винограда. Их ягоды привозили из жарких стран. Я наслаждался продуктами торговли. Отец огорчался.

Дядя Володя, двоюродный брат моей мамы, частенько приходил к нам в гости немного пообщаться. Выпивал принесённую с собою горькую водку, вдогонку пропуская стопарь из наших запасов, потом — на пососок. Прощаясь, папка подавал ему кулёк с виноградом и провожал со словами: «Сашка его не ест, стал привередливым. Возьми для Маринки». Моя троюродная сестрёнка была больной от рождения. Говорили, что она долго не проживёт. Мы этого не хотели. Забравши виноградец, дядя Володя уходил. Я же виновато прятался от отца. Тот улыбался. Главные плоды его садового творчества нашли едоков.

Четыре района нашего города стыковались в месте, где находились строительные склады. Часть материалов хранилась под навесами или в закрытых на замок помещениях. Дети туда проникнуть не могли. Доступными оставались лишь площадки для складирования сыпучих материалов: горы песка, щебёнки, известняка. Под краном, как баррикады, стояли фундаментные блоки и плиты перекрытий. Из-за них, набрав дроблёных камней, детвора нападала друг на друга, случались драки. Оставались набитые шишки да синяки. Как-то около базы расположился железнодорожный состав. К его платформам были привязаны большие железобетонные трубы — цаги. Новый полигон мы освоили с лёту. Прячась за трубами и в трубах, играли в пятнашки.

Генка был повыше любого из нас. Он шишкарил. Всякий раз важно приказывал какому-нибудь салаге гоняться за остальными. Исполнительный слабачок становился мальчиком для битья. Чтобы отмяться, ему нужно было кого-нибудь запятнать, кинув камень так, чтобы при попадании другой участник игры вскрикнул от боли.

— Кричал — значит, майся, — требовал Генка.

Роли менялись. Теперь истязали человека, попавшего под удар. Дразнили его, смеялись, доводили до слёз. Если малец убегал, чтобы поплакаться, к мамке, ему свистели вслед. Больше с таким пацаном не водились. Я не выказывал страха перед Генкой, но очень его боялся. Мне не хотелось оказаться изгоем. Терпел все удары камней и не хныкал, пока не столкнулся с неправдой.

Осень была, как лето, тёплой. Ещё не пожухла трава. Пылило. Желтели берёзы, клёны, тополя.

Звенела маленькая речушка. В ней можно было ещё купаться, не опасаясь простуды. Мы играли в свою непутёвую игру, когда появился дядя Володя. Он был пьян. В руках находился огромный кулёк с виноградом для Маринки. Мальчишки повыпрыгивали из убежищ и побежали дядьке наперерез. Первым домчался Генка. Он выхватил из кулёка самую большую гроздь. Дядька чуть было не упал, покачнулся, вскрикнул, прижал сильнее к себе остатки винограда и двинулся быстрым шагом. Вдохновлённая Генкиным разбоем ватага кинулась вслед. Через полминуты в руках у пьяного великана остались обрывки газеты. Шпана, как птицы, разлетелась и чирикала, смакуя ягоды. Хватило всем. Только я стоял и плакал, поняв, что больная Маринка сегодня не дожждётся гостинца.

— Чего ревьешь? — спросил Генка. — Не досталось? Возьми у меня и хавай.

Задатки вельможи он имел. Я сердито отказался: — Не хочу.

— Антракт окончен! Пацаны, этот чухан не прошёл естественный отбор. Он будет маяться всегда.

Генка оказался пророком. Я маялся всю жизнь. Кто-то кинул в меня булыжник. Я его поднял и ударил им обидчика по голове:

— Я убью тебя, Генка.

Фонтаном хлестала кровь. Бросив свою ватагу, окровавленный командир помчался домой, зажав свою голову руками. За ним я гнался до самого конца. Около подъезда сидели женщины.

— Бабушка, — крикнул окровавленный Генка. — Меня убивают.

Она защитила внука. Ударить старуху камнем я не решился и отступил.

Назавтра меня забрали в милицию. Шуба училась в соседней школе. В нашей ещё не знали о том, что я его покалечил. Перепуганная директриса семенила рядом с конвойными. Менты боялись побега, держали за рукава. От страха я сопел. Душили слёзы. Подъехала зарешёченная машина. В ней меня отвезли в детскую комнату милиции как малолетку — для постановки на учёт.

В коридоре сидел незнакомый мальчишка.

— Ты сам откуда? — спросил он.

— С Шоссейки.

— Ах да-а, я тебя вспомнил. Ты кидался в меня камнями.

— А ты докажи.

— Я тоже в тебя кидался. Ты — Саня, а я — Олежек.

— Тебя за что сюда привезли?

— Пустяк, отпустят. Не в первый раз.

— Если ты начал каяться, то колись.

— Я у папаши стырил коробку с капсюлями, ну, с теми, которые охотники вставляют в патроны перед охотой.

— Ух ты! А у меня отец — садовод.

— Неплохо. Яблоки, груши, виноградец.

— А дальше? Что было дальше? Ты стырил коробку с капсулями...

— Теперь мой папаша будет лупить меня ремнём. Видишь эту звезду?

Он приспустил свои штаны. На теле синела отметина от солдатского ремня. Мне стало неловко перед этим мальчишкой за то, что дома меня так не бьют. Олежек раскаялся:

— За дело лупят. Я же сам виноват. Разложил свои капсули на рельсах и не спрятался. Поймали с поличным... Прошла трамвайка — трах-тарарах. Как на войне из автомата. Люди на остановке перепугались. «Ментавры» насторожились. И вот он я — опять в кутузке.

— Вот бы мне такое дело повернуть...

— Я тебя обязательно научу, когда отпустят.

— А если поймают?

— Уже не поймают. Мы с тобой поднимем стрельбу и сразу убежим.

Его повели на выход, меня на дознание.

Молодая женщина, проводившая опрос, была сердита. Фамилия, имя, отчество, когда родился? Заикаясь, я отвечал и размазывал слёзы по щекам. — Вчера ты был такой смелый, хотел убить человека, а сегодня — весь мокрый и жалкий.

После этих слов я заплакал по-взрослому.

— Я всё равно его найду и убью.

Как на духу я рассказал обо всём.

— Что Маринка? — грустно спросила милиционерша.

Она уже выглядела нестрашной. Основная беседа была окончена в мою пользу.

— А что Маринка? Отец у неё бухает. Не может остановиться. Моя сестрёнка осталась без винограда... Жива Маринка.

— Ты приходи, отмечайся и мирно играйся, не дерись. Для вас откруют шахматный кружок, будут походы по Уралу.

— Ладно, — ответил я.

Почти весь год на каждой пионерской линейке говорили только о том, как опасно кидаться камнями и посещать строительные площадки. При этом перечисляли и разбирали всякие несчастные случаи травматизма да обязательно вспоминали о том, как я ударил Генку камнем по голове.

3. Тяготы и лишения

Через десять лет я оказался в строительной роте. Мы выполняли подземные работы по реконструкции ракетного ствола. Это был засекреченный объект. Воеводы галдели про тяжести и лишения при прохождении службы, требовали от молодых бойцов полного послушания. Все письма прочитывала цензура. Пугливые солдаты сообщали домой о том, как младшие командиры лупцуют свою пехоту. Искали правду в политотделах. Но попробуй впусти под шкуру штабного функционера: пожалуйся, поплачься. С его же подачи тобою

станет распоряжаться любой столовый работник. От страха первогодки убежали со службы в роковую неизвестность — в бескрайнюю степь. Бывало, вешались...

Мясом кормили только по привозе продуктов из далёкого города раз или два в неделю под руководством старшины. Но вот он уезжал к жене на несколько дней, и маслокрады опустошали запасы, как саранча. Однажды во время наряда по столовой я увидел обильно накрытый стол и продолжительно наблюдал за едоками. Мои командиры большими порциями поглощали горячее мясо. На мой ничённое созерцание ефрейтор Ибрагимов назидательно произнёс:

— Товарищ рядовой. Вы тоже когда-нибудь станете «дедушкой» и будете питаться в полную меру. А пока идите в кочегарку и выполняйте работу по заготовке дров.

Разве не так по сей день обещают лучшее люди, имеющие достойную должность и возможность что-то украсть?

Другие молоденькие солдаты в это время, передвигаясь впрыскаду, скребли в обеденном зале мокрые деревянные полы осколками стёкол. Над ними размахивали ремнями распоясанные пьяные дембели из хозяйственного звзда и орали:

— Вы — чурки, вы — звери и бандеры. Вас надо чуханить.

Это было немного цензурное, что они несли.

Меня назначили мастером на участке по производству изоляционно-покрасочных работ. Лето промчалось, округу обложили дожди, в подземелье поднялся уровень грунтовой воды. Ракетную шахту затопило. Вся покрасочная кампания пошла насмарку. Военные строители без отдыха боролись с наводнением. Вёдра с водой из бездны они поднимали верёвками. Опорожняли под косягор. Работяги дрожали от холода, мокрые с ног и до головы. Вода не убавлялась. Мне казалось, что наводнение не окончится никогда. Но подоспели насосы, стало легче. Появились дренажные трубы. Когда усилили вентиляцию, в ракетном стволе подсохло. Покрасочные работы возобновились. Теперь они проходили в ускоренном темпе. Но тут пришла другая беда.

Пазухи между пусковой установкой и стенками ямы, в которой она находилась, были узкие, вязкие. Наши командиры никогда не марались. Сверху никто из них не видел того, что творится внизу. Как тараканы, изворотливые солдаты скрывались в яме от лишних взглядов, чтобы немного покомарить.

Вовка Шахрай получил из дома посылку. Держиморды нашей роты многое отобрали. Но кое-что из коврижек солдат утаил и припрятал на стройплощадке. Выйдя работать в ночную смену, он и его товарищ Тимоха Ситник незаметно спустились в яму, чтобы съесть эти гостинцы. Земля излишне

раскисла, стала подвижной. Случился оползень. Вовка погиб, а приваленный Тимоха был неподвижен. Он кричал. С оказанием помощи оплошали. Шаткие лестницы опрокинуло землёй.

Было за полночь. Я отдыхал в казарме после наряда на кухню.

— Вставай,— растолкал дежурный по гарнизону. Самоуверенный, циничный человек.— Ты— мастер по покраске ракетного ствола?

— Так точно.

— Я— капитан Берг. Одевайся— и бегом...

— Куда бежать? Обратно в столовку?

Залётный «полководец» задышался от гнева.

— На твоём рабочем участке...

— Что-то случилось?

— Погиб солдат.

— Я туда никого не посылал.

— Об этом ты завтра расскажешь военной прокуратуре, а пока за мною— в кузов автомобиля. Я тебе покажу, где раки зимуют. Ты у меня сегодня голыми руками отроешь каждого человека. Зубами будешь рвать мокрую землю.

— Кто погиб?

— Похоже, Шахрай,— подсказал сержант Адамян.

Берг вошёл в канцелярию роты. В полуоткрытую дверь было слышно, как он совещался с командиром нашей управы, не зная, что предпринять.

— Глубина— тридцать метров,— оправдывался вояка.— На стройке один прожектор, товарищ полковник. Он с другой стороны объекта.

— Как солдаты попали в яму?— ревел репродуктор.

— Откуда я знаю, товарищ полковник?

— Спуститесь вниз и узнайте!

— На бровке ямы, товарищ полковник, появились многие новые трещины. Это усугубляет ситуацию, может случиться повторный обвал.

— Ищите виновных.

— Одного виноватого я уже нашёл. Это мастер.

— Второй виноватый, товарищ Берг,— это вы,— съехидничал вышестоящий говорило.— Объявите всеобщую тревогу.

— Есть, товарищ полковник, только люди устали!

— Мои приказы не обсуждайте, а выполняйте и никогда не пекитесь о людях!

— Слушаюсь, товарищ полковник. Я уже приступил к выполнению вашего приказа.

Сердитый разговор закончился. Покидая казарму, воитель наказал Адамю:

— Сержант, немедленно поднимайте личный состав— и аллюром на производство, откапывать пострадавших. На трупы слетится вся управа, будет «апофеоз».

Первые прибывшие офицеры суетились, заглядывая в прорву с площадки ракетного ствола. Капроновые верёвки, которыми мы недавно поднимали воду из шахты, валялись под ногами. Одна из них была уже в деле, её свободный конец болтался в яме. Раскачивая эту «соломинку» то вправо,

то влево, горе-спасатели надеялись, что кто-нибудь из попавших под оползень её увидит.

— Что слышно?— спросил дежурный по гарнизону.— Уже ничего не слышно, товарищ Берг. Слышно было в последний раз пятнадцать минут назад. Похоже— каюк обоим.

К нам подошёл кинолог. На поводке у его собаки был большой карабин.

— Вот мастер, это—его объект,— представил Берг.

Меня осветили карманными фонарями.

— Как спуститься в яму, товарищ мастер?— спросил кинолог.

— Тут были лесенки. Они упали.

— Кто отвечает за эту яму? Вы?

— Я отвечаю за покраску металлоконструкций.

Снова вмешался Берг:

— Как хочешь, зараза-мастер, но отправляйся вниз и вынимай из ямы пострадавших людей. Это приказ.

Капитан показал на верёвки.

— Есть, товарищ дежурный.

Будучи мальчишкой, я посещал туристический кружок. И хотя в далёкие походы не брали, научился вязать страховочные системы и узлы.

— Я жду, товарищ солдат, твоих великих действий!

Воитель издевался, имитируя добросовестную службу. Разогретый этими криками, я связал на себе из верёвок беседку, выпросил у кинолога карабин и бросился в бездну на тормозящем узле.

Тимоха ещё дышал. Его придавили тяжёлые валуны, один из которых лежал у пострадавшего человека на животе, мешая ему пошевелиться. Другой валун прижал Тимоху к стене ракетного ствола. Когда я убрал эти глыбы, пострадавший солдат очнулся, но тело его не слушалось. Земля была холодной, местами липкой. Отрывая человека от смерти, я сломал себе несколько ногтей, саднили ладони. К этому времени в яму спустились сапёрную лопату. Я отрубил два метра бечевы и обвязал спасённого друга. Того успешно подняли из прорвы. Второго человека я отрыл под самое утро. Шахрай был мёртв. Покойника отправили в расположение части. Более суток он лежал на плацу в грязной одежде, с почерневшим раскрытым ртом, забитым землёй. Рядом разбросали печенюшки да конфетки, полученные погибшим из дома перед смертью. В назидание командиры проводили строем своих солдат перед человеком, нелепо погибшим на производстве.

Около месяца на меня повсюду орали, грозили тюрьмой. Я мыл полы на кухне и рубил дрова в кочегарке. Всякому невеликому командиру хотелось принять участие в моём воспитании— поизмываться, плюнуть в душу. Но комиссия, которая расследовала Вовкину смерть, не признала меня виновным. Напротив, мои ночные действия оценили по-настоящему и объявили отпуск на родину. Четыре дня на дорогу плюс десять дней

гражданской жизни стали временной защитой от тяготей и лишений в воинской службе. Я провёл их бесовестно. Пил водку и героически выпячивал грудь, пока не встретился с Генкой. Это случилось в последнюю ночь перед отъездом из дома. Мой друг Олежек решил меня женить и привёл в женское общежитие. Туда же заявился Генка. На глазах у подружек мы затеяли скандал. В руках у неприятеля оказался кухонный нож. Он ударил меня в живот. Порез был поверхностный. Во время второго замаха я схватился за лезвие ножа и сломал его. На ладони осталась глубокая рана, откуда вытекала густая кровь. Мы пожелали друг другу смерти. Генку уняли. Мне вызвали неотложку. Врачи заштопали тело, наложили тампоны, забинтовали и пообещали выписать больничный лист, да я всё-таки отправился на службу в положенный час. Вздыхала мамка:
— Останься, не доедешь.
— Я не могу.

Всё дело было в том, что предыдущий отпускник задержался на родине несколько дней. В наказание людей из нашей роты долго «мариновали» без всяких отгулов. Это табу нарушили для меня, но пообещали его вернуть, если опоздаю.

4. В палате

В палате, куда меня определили лечиться после реанимации, прозябали без дела трое. Старшему, как и мне, было за шестьдесят, пузатый, звали Иваном. В больничку его доставили с гулянки: разнuzданное давление, одышка, весёлый пульс. Диагноз — стенокардия. Всю свою жизнь Иван шоферил, мотался в далёкие рейсы и преуспел. Его тумбочка была похожа на бакалейную лавку: чай, халва, конфеты, печенье. Супруга ежедневно приносила в трёхлитровых банках то пельмени, то котлеты. Иван не скупился. Приглашал отведать вместе с ним дары его старухи, дабы не выбрасывать их понапрасну в мусорный бак.
— Пропадут, — огорчался бывший дальнoбойщик, питаюсь, как богомол, без остановки.

На его обжорство врачи махнули руками.

Сосед Ивана Андрюшка был моложе. Он оказался таксистом. На медкомиссии у парня в груди услышали хрипы и отправили на обследование в клинику. Чего-то страшного не нашли, но, волнуясь, Андрюшка всё же по несколько раз на дню задавал бывалому Ивану вопросы о своём будущем. Очень боялся остаться без руля.

— От надоед, — посмеивался старик. — Ну, поработаешь в слесарке.

— Там тоже не сахар.

— Тогда ступай в свою контору. Ты пойми, голова, по трудовому законодательству, тебя уволить сразу не можно. Прежде предложат сменить основную работу на подсобную с доплатой.
— Не знаю такой работы.

— Скажем, охранником...

— Водителю это не к лицу. Не канает.

Полдня они по очереди листали старенький журнал «За рулём». Обсуждали заморские машины, ругали российский автопром — согласованно, дружно. Ближе к ночи, когда на всю больницу оставался один дежурный врач, Андрюха разогревал палатный телевизор до истеричности и духовно питался, ожидая скорой победы на украинской земле.

— Выключи телик, — сердился старый Иван, скрипя зубами.

Ему хотелось уснуть. Молодой товарищ возражал и перекрикивал новости:

— Мы — небесная сила, исполняющая волю истории.

Воистину это был трибун.

— Андрюшенька, — умолял его сосед, — какой смысл от необъятного мира, если ботинки малы?

— Ты — пацифист, — не унимался оратор, доедая последние пельмени Ивана. — Такие, как ты, служили фашистам.

Ещё один пациент в палате каждый день изучал медицинские материалы. Он находил их по ноутбуку. На мониторе мелькали картинки, отображающие неловкую работу сердца, бегло передвигался курсор, появлялись объёмные научные тексты. Диагноз этого мужчины мне неизвестен. Звали Жаном. В больнице он скрывался от внеплановой проверки в финансовом отделе, где был, по-видимому, старшим. Человека ежедневно навещала молоденькая сотрудница. Чинно поджав коленки, она сидела на табурете перед больным, как фотомодель.

— На работе все сбесились, — мурлыкала женщина. — Пропали отчётные журналы. Ищут виновных.

— Ты подойди к врачу, порисуйся и, пожалуйста, попроси его о том, чтобы меня отправили на лечение в Оренбург, — поручил начальник.

Так и случилось.

Собираясь в дорогу, Жан загадочно улыбнулся.

— Саша, у тебя — обширный инфаркт.

— Ты это к чему?

— У меня его ещё нет.

— Это ж неплохо.

— На этом свете, Саша, тебе осталось жить несколько дней, от силы — год или два. В ординаторской про это говорили врачи.

— Я понимаю.

— Крепись.

Его улыбка была никчёмной.

Ближе к ужину я от скуки шатался по этажам. Дверь в палату реанимации оказалась открыта. Одинокaя санитарка нерасторопно вытaлкивала в проём медицинскую транспортную тележку. На ней лежал неподвижный человек, накрытый простынёй.

— Помогите, — попросила женщина. — Вместе сподручней.

— Куда поедем?

— Оставим тележку около подоконника.

Рядом находились двери лифта и служебный выход на лестничную площадку.

— Сюда придут люди из морга.

— Кто-то сегодня умер?

Волнуясь, я заглянул в палату. Генкино место было чисто заправлено.

— Да, это — он, — ответила санитарка.

— Вы уже отыскиали его родных?

— По адресу, который вы нам назвали, никто из них не проживал, но в полиции проследили миграцию семьи.

— Удачно?

— Почти... Сам он — Шубейко Геннадий Петрович. Одинокий пенсионер. Бывший электросварщик. В последнее время проживал в соседнем городке. Ольга, которую он всё время звал к себе на помощь, вы помните, — его дочка. Серёжка — её сынок.

— Получается, Генкин внук?

— Они проживают в Чернигове. Около года назад Ольга приезжала к больному отцу на побывку и хотела его увезти к себе навсегда, да случились проблемы. Женщина не сумела собрать необходимые бумаги для перевозки отца в другую страну. К тому же последняя квартира у Генки не оплачена много лет. Дочка отправилась в Чернигов одна, желая воротиться с кое-какими деньгами для уплаты долгов. А тут — военная операция.

— Понимаю... Границы закрыты.

— Час назад мы по скайпу всё-таки дозвонились до Чернигова. «Вы, — обвинила Ольга, — убили моего отца». А мы его спасали. Разве это не так?

— Я согласен.

— Побудьте с Геннадием до приезда моих коллег из морга.

Санитарка ушла работать. Я уселся на подоконник. Мёртвое тело лежало на расстоянии протянутой руки. Проходивший мимо завхоз назидательно приказал мне подняться.

— Больной, вы не уважаете труд. Сегодня наши строители поставили этот подоконник, а вы его уже обтираете грязными штанами.

Я огрызнулся:

— Давайте стул.

Через минуту принесли табуретку.

На тележке находился мой враг. Когда-то я очень хотел его убить или увидеть мёртвым, и вот моё желание стало явью. Некому было печалиться над Генкой. Издалека с опаской косились в нашу сторону бродившие без дела больные. Пиликало радио. Любимые люди покойного не смогли проехать кордоны, чтобы в последний раз увидеть деда и отца. Самым близким человеком для Генки в округе остался я один. На сердце лежал тяжёлый груз прошлого. На этом свете, уничтожая врагов, мы от души добавляем: «Умрите, сгиньте», — и славим Бога. А что на том?

— Послушай, Геннадий. Разве мне стало легче от того, что ты сегодня скончался от боли в палате реанимации, в чужой для тебя стране? Я не злорадствую. Я ведь тоже скоро умру проклятым. Если на небесах твоя душа окажется в раю как праведная, то пускай она остаётся там, я не против. Но в аду я буду драться с тобою до тех пор, пока ты не воскреснешь. После этого, Генка, ты встретишь своих детей на этом свете и повторно умрёшь счастливым. Не надо тебе в аду...